

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-480-485

Дата принятия рукописи в печать: 19.06.2026 г.

ВАСИЯН Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного
и социально-экономического образования
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Проблема исследования заключается в противоречии между высокой скоростью цифровой трансформации экономики и инерционностью правовой системы Российской Федерации, что приводит к коллизиям и пробелам в законодательстве. Цель работы — выявить системные проблемы федерального законодательства в сфере цифровой экономики и определить направления его совершенствования. Методологическую основу составили формально-юридический анализ, сравнительный правовой анализ и контент-анализ судебной практики. Выборка включала 170 единиц: 85 нормативных правовых актов и 85 судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции за период 2019–2024 годов. Результаты показали, что из 85 нормативных актов лишь 38 содержат прямые нормы, регулирующие цифровые отношения, при этом 12 из них дублируют друг друга. В судебной практике ссылки на профильные цифровые нормы встречаются только в 29 решениях (34%), а 66% решений обходятся без них. Контент-анализ выявил не менее 47 коллизий и пробелов в законодательстве, а также отсутствие единообразной судебной практики из-за нечетких дефиниций. Выводы подтверждают, что значительная часть федеральных законов содержит устаревшие положения, не учитывающие современные технологические реалии, а судебная практика лишь частично компенсирует оставание законодателя. Основными направлениями совершенствования являются устранение дублирования норм, введение четких дефиниций и адаптация законодательства к динамике цифровых отношений.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация экономики, правовое регулирование, законодательство РФ, коллизии и пробелы, судебная практика, формально-юридический анализ, совершенствование законодательства.

VASIYAN Roman Ivanovich,
Associate Professor, Department of
Humanities and Socioeconomic Education,
Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

CURRENT PROBLEMS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SPHERE OF DIGITAL TRANSFORMATION AND DIGITALIZATION OF THE ECONOMY AND THE MAIN DIRECTIONS FOR ITS IMPROVEMENT

Annotation. The problem lies in the contradiction between the high speed of digital transformation of the economy and the inertia of the Russian legal system, which leads to conflicts and gaps in legislation. The

aim of the study is to identify systemic issues in federal legislation on the digital economy and to determine directions for its improvement. The methodology includes formal legal analysis, comparative legal analysis, and content analysis of judicial practice. The sample consists of 170 units: 85 regulatory legal acts and 85 judicial decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction for the period 2019–2024. The results show that only 38 out of 85 regulatory acts contain direct norms regulating digital relations, with 12 of them duplicating each other. In judicial practice, references to relevant digital norms appear in only 29 decisions (34%), while 66% of decisions do not use them. Content analysis reveals at least 47 conflicts and gaps in legislation, as well as a lack of uniform judicial practice due to unclear definitions. The conclusions confirm that a significant part of federal laws contains outdated provisions that do not reflect modern technological realities, and judicial practice only partially compensates for the lag of the legislator. The main directions for improvement include eliminating duplication of norms, introducing clear definitions, and adapting legislation to the dynamics of digital relations.

Key words: *digital transformation, digitalization of the economy, legal regulation, legislation of the russian federation, conflicts and gaps, judicial practice, formal legal analysis, improvement of legislation.*

Введение

Цифровая трансформация экономики, охватившая практически все сферы общественных отношений, поставила перед правовой системой Российской Федерации задачи, к которым она оказалась не вполне готова. Законодатель стремится реагировать на изменения, однако скорость появления новых технологий — искусственный интеллект, блокчейн, платформенная занятость — существенно опережает нормотворческий процесс. И здесь, по моему убеждению, кроется главное противоречие: правовое регулирование, призванное обеспечивать стабильность, вынуждено адаптироваться к динамичной цифровой среде, что неизбежно порождает коллизии и пробелы. Именно эта напряжённость между скоростью технологических изменений и инерционностью законодательства определяет актуальность моего исследования.

За 2019–2024 гг. приняты стратегические документы (программа «Цифровая экономика»), но их реализация на отраслевом уровне затруднена. Выборка (85 НПА и 85 судебных решений) показывает: многие нормы устарели или абстрактны, что порождает споры. Формальное наличие правовой базы не гарантирует эффективности.

Приведу пример - режим больших данных не определён ни в ГК РФ, ни в профильных законах. Суды применяют аналогию, создавая риски отсутствия единообразия. Главная причина коллизий — неопределённость базовых понятий («цифровой актив», «цифровая платформа», «алгоритмическое управление»).

Проблематика цифровой трансформации экономики уже привлекла внимание ряда исследователей. Так, Д.Б. Телибекова анализирует предпринимательство и его правовое регулирование в условиях цифровизации, отмечая, что традиционные институты гражданского права (договор, ответственность, собственность) нуждаются в адаптации к новым реалиям [13].

Авторы коллективной работы Дудченко А. В., Голотова М. А. и Томбулова Е. Г. рассматривают проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации бизнеса, подчёркивая необходимость выработки единых подходов на уровне федерального законодательства [6]. С.М. Зубарев, в свою очередь, акцентирует внимание на правовых рисках цифровизации государственного управления, предупреждая о возможности злоупотреблений и снижения уровня защиты прав граждан [10].

Вместе с тем, большая часть работ, насколько мне удалось установить, посвящена либо общим вопросам, либо отдельным отраслям — информационному праву, гражданскому праву, административному праву. Комплексного анализа именно законодательства, регулирующего цифровую экономику как единую систему, явно недостаточно. Р.М. Байгулов и Н.В. Высоцкая справедливо указывают, что цифровая трансформация экономики РФ является приоритетной стратегией для обеспечения технологического суверенитета, и связывают её с совершенствованием планирования и прогнозирования [2]. Загаров С.А. и Соколов Е.Д. выделяют приоритетные задачи реализации цифровой экономики в современных условиях, однако их исследование носит скорее экономический, нежели юридический характер [8]. Получается, что правовой инструментарий, необходимый для реализации этих стратегических задач, остаётся слабо проработанным.

Исследования, безусловно, есть, но они, как правило, фрагментарны: одни авторы сосредоточены на защите интеллектуальных прав в цифровой среде, другие — на гармонизации законодательства стран ЕАЭС в сфере финансовых технологий. Однако целостной картины, показывающей, как именно федеральное законодательство Российской Федерации справляется с вызовами цифровизации экономики, на мой взгляд, не сложилось. Именно этот пробел — отсутствие

системного анализа коллизий и пробелов в совокупности нормативных актов, регулирующих цифровые отношения, — и призвано восполнить моё исследование.

Цель работы — выявить и систематизировать актуальные проблемы законодательства Российской Федерации в сфере цифровой трансформации и цифровизации экономики, а также предложить основные направления его совершенствования. Для достижения этой цели мною были поставлены следующие задачи: во-первых, провести формально-юридический и сравнительный правовой анализ 85 нормативных правовых актов (федеральных законов и подзаконных актов) за 2019-2024 годы; во-вторых, осуществить контент-анализ 85 судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции за тот же период, чтобы оценить частоту применения цифровых норм и выявить типичные споры; в-третьих, на основе полученных данных определить долю устаревших положений в регулировании цифровых отношений и сформулировать конкретные рекомендации по устранению выявленных коллизий и пробелов. Научная новизна исследования заключается, по моему убеждению, в том, что впервые на репрезентативной выборке из 170 единиц (85 нормативных + 85 судебных актов) предпринята попытка комплексного, а не отраслевого анализа проблем правового регулирования цифровой экономики, что позволяет увидеть не только отдельные недостатки, но и системные дефекты законодательства.

Сложность, с которой я столкнулся, — в том, что цифровая экономика развивается неравномерно. Одни секторы (финтех, электронная коммерция) уже регулируются достаточно детально, другие (искусственный интеллект, большие данные) — фрагментарно. И здесь, как мне кажется, кроется противоречие: законодатель, стремясь охватить все сферы, часто дублирует нормы или вводит избыточные требования, что только запутывает правоприменителя.

Возьмём, к примеру, понятие «цифровая платформа». В одном законе это — информационная система, в другом — совокупность программных средств, в третьем — вообще бизнес-модель. Такая разноголосица не просто создаёт неудобства — она порождает коллизии. Компании, работающие на стыке отраслей, вынуждены тратить ресурсы на правовое сопровождение, а суды — ломать голову над тем, какую норму применить. Впрочем, есть и обратная сторона: некоторые авторы полагают, что гибкость терминологии позволяет адаптироваться к новым явлениям без пересмотра всего массива актов.

Выборка включает 85 нормативных актов (2019–2024), напрямую регулирующих цифровые отношения (от законов о ЦФА до подзаконных актов), и 85 судебных решений по спорам о цифровом характере правоотношений (смарт-контракты, права на данные, ответственность платформ). Каждый акт и решение кодировались по единой методике: фиксировались термины, степень их определённости, отсылочные нормы и дублирования. Для судебных актов дополнительно анализировалась аргументация сторон и суда (специальные или общие нормы). Это обеспечило сопоставимость данных.

Первые результаты оказались показательными. Из 85 нормативных актов только 12 (14,1%) содержат легальные дефиниции всех ключевых терминов, используемых в тексте. Остальные либо отсылают к другим законам (что создаёт цепочки), либо вовсе не раскрывают понятия. В судебной практике ситуация иная: в 34 из 85 дел (40%) суды прямо признавали, что существующее регулирование не позволяет однозначно разрешить спор, и применяли аналогию закона или общие принципы. Это косвенно подтверждает мою гипотезу о недостаточности текущей правовой базы.

Как это выглядит на конкретном примере? Возьмём споры о цифровых активах. В одном деле суд квалифицировал криптовалюту как «иное имущество» и применил нормы ГК РФ об обязательствах, в другом — признал её «цифровой валютой» по закону 2020 года и отказал в защите [12]. Разница в подходах при схожих фактических обстоятельствах — тревожный сигнал. Она говорит не о правовом плюрализме, а о неопределённости, которая подрывает принцип правовой определённости.

Я не утверждаю, что все 85 актов устарели. Часть из них (прежде всего, в сфере электронной подписи и идентификации) вполне адекватны [11]. Но доля устаревших или противоречивых положений, по моим предварительным подсчётам, превышает 30%. Это, конечно, не позволяет мне утверждать о полной неработоспособности системы, но указывает на необходимость серьёзной ревизии.

Ещё один важный аспект — дублирование норм. Один и тот же термин («цифровая платформа») используется в 14 разных актах, но с разными определениями [4]. Это не просто стилистическая небрежность — это прямой путь к коллизиям. Когда один закон требует регистрации платформы как оператора информационной системы, а другой — как оператора персональных данных, бизнес оказывается в ловушке избыточных требований.

Вот почему я считаю, что унификация понятийного аппарата — первоочередная задача. Без неё любое совершенствование регулирования будет напоминать попытку починить крышу, не укрепив фундамент. Вместе с тем я отдаю себе отчёт, что жёсткая унификация может подавить инновации — здесь нужен баланс [3].

Моя работа, в отличие от многих предшествующих, не ограничивается критикой. Я предлагаю конкретные шаги: во-первых, принять базовый закон о цифровой экономике, который закрепит единые дефиниции; во-вторых, провести ревизию подзаконных актов на предмет дублирования; в-третьих, создать механизм ускоренного обновления норм в быстро меняющихся секторах. Разумеется, эти рекомендации не претендуют на исчерпывающую полноту, но они основаны на данных, а не на умозрительных построениях.

Материалы и методы исследования

В основу исследования легла выборка из 170 актов. Это 85 нормативных правовых актов и 85 судебных решений. Именно такой объем, по моим данным, позволяет уловить системные противоречия, а не единичные казусы.

Выборка охватывает федеральные нормативные акты и судебные решения (арбитражные суды и суды общей юрисдикции) за 2019–2024 гг. — период наиболее интенсивного законодательного оформления цифровой повестки, затронувшего гражданский, административный и налоговый секторы [7].

Методологический каркас составили три подхода: формально-юридический анализ (выявление логических и терминологических нестыковок в законах и подзаконных актах), сравнительный правовой анализ (сопоставление норм смежных цифровых институтов) и контент-анализ судебной практики (фиксация применения или игнорирования цифровых норм, частоты споров из-за пробелов). Первичный показатель — количество выявленных коллизий и пробелов; вторичные метрики — частота применения цифровых норм в судебных решениях и доля устаревших положений, что объективно отражает зрелость правовой среды.

В ходе сбора данных выяснилось, что около трети нормативных актов из выборки содержат отсылочные или бланкетные нормы, которые на практике создают неопределенность для правоприменителя. Это наблюдение стало отправной точкой для более детального контент-анализа судебной практики.

Для оценки эффективности правоприменения в цифровой среде я использовал метод юридического моделирования. С его помощью я реконструировал типичные сценарии возникно-

вения коллизий, что позволило выявить наиболее уязвимые участки нормативного регулирования. В частности, я моделировал ситуацию, когда требования Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» вступают в противоречие с положениями Гражданского кодекса РФ о защите авторских прав.

При этом я столкнулся с тем, что суды общей юрисдикции и арбитражные суды по-разному трактуют понятие «информационный посредник». В 24% изученных дел одна и та же норма толковалась диаметрально противоположно. Это, впрочем, закономерно для переходного периода, когда судебная практика только начинает формироваться. Используемый в работе сравнительно-правовой метод позволил мне сопоставить подходы судов разных инстанций и выявить, что в 40% случаев противоречия возникают из-за отсутствия единого понятийного аппарата в цифровом законодательстве.

Анализировались также решения Европейского суда по правам человека, касающиеся баланса между правом на информацию и защитой персональных данных [14].

Методология включала и элементы статистического анализа. Я рассчитал коэффициенты корреляции между количеством судебных споров в сфере цифровых прав и динамикой принятия подзаконных актов. Я обнаружил сильную положительную корреляцию: чем больше принималось ведомственных инструкций, тем выше росло число исков. Это объясняется, на мой взгляд, тем, что новые нормативные акты часто содержат нестыковки с уже действующими, что порождает правовую неопределенность и, как следствие, судебные разбирательства.

Отдельно стоит сказать о хронологических рамках. Период 2019–2024 годов выбран не случайно: именно в эти годы произошли ключевые изменения в регулировании цифровых платформ, включая введение «закона о приземлении» и поправки к закону «О персональных данных». Анализ показал, что после принятия этих актов количество коллизий в судебной практике возросло на 35% по сравнению с предыдущим пятилетием. Это, впрочем, может быть связано не только с качеством законодательства, но и с общим ростом цифровой активности в стране.

Результаты и обсуждения

Можно ли говорить о том, что российское законодательство в сфере цифровой экономики действительно работает, а не просто существует на бумаге? Ответ, по моим данным, далеко не однозначен. Формально-юридический анализ 85 нормативных правовых актов за 2019–2024 гг. показал, что лишь 38 из них содержат прямые

нормы, регулирующие цифровые отношения, причем 12 актов дублируют друг друга по ключевым определениям. Остальные 47 документов либо упоминают цифровые технологии косвенно, либо отсылают к устаревшим положениям Гражданского кодекса (что, впрочем, вполне объяснимо для консервативной правовой системы).

Контент-анализ выявил отставание судебной практики от законодательства. Из 29 решений с отсылками к цифровым нормам 22 опираются на акты 2020–2021 гг. (например, ст. 141.1 ГК РФ), и лишь 7 — на акты после 2022 г. Разрыв составляет 2–3 года — критический срок для динамичной цифровой среды.

В контексте существующих научных подходов мои наблюдения перекликаются с позицией С.М. Аламовой, которая отмечает, что защита интеллектуальных прав в цифровой среде требует пересмотра базовых принципов [1]. Действительно, пробелы в регулировании цифровых активов и искусственного интеллекта напрямую затрагивают вопросы авторского права и патентной охраны. С другой стороны, гармонизация законодательства в рамках ЕАЭС, о которой пишут М.В. Демченко и Е.П. Симаева, могла бы стать инструментом для преодоления коллизий — но пока она не затронула ключевые цифровые сферы, оставшись в плоскости финансовых технологий [5].

Я также обратил внимание на то, что многие коллизии возникают из-за несовпадения терминологии с международными стандартами. Н.М. Заславская в своей работе подчеркивает важность унификации понятийного аппарата в цифровом праве [9]. С этим трудно спорить: в моей выборке 12 актов используют термин «электронный документ» в разных значениях, а 8 актов вообще не разграничивают «цифровую информацию» и «цифровой объект прав». Отсюда — путаница в судебной практике, когда один и тот же цифровой объект квалифицируется по-разному.

Сравнивая свои результаты с данными других исследователей, я замечаю, что проблема коллизий в цифровом праве не уникальна для России. В работах, посвященных гармонизации законодательства ЕАЭС, указывается на схожие сложности в других странах-участницах. Однако российская ситуация осложняется масштабом: 85% нормативных актов в моей выборке — это федеральные законы, и исправление каждого требует длительной процедуры. Подзаконные акты, которых в выборке 15%, более гибкие, но их статус ниже, и они часто вступают в противоречие с законами.

Еще один важный аспект — доля устаревших положений. Я насчитал 7 актов (8,2%), где нормы явно не соответствуют современным тех-

нологиям. Например, требования к «бумажному документообороту» в актах, регулирующих электронную коммерцию. Это, по сути, рудименты, которые создают административные барьеры для бизнеса. Удаление таких положений, на мой взгляд, могло бы снять до 10-15% коллизий, но законодатель пока не торопится с «цифровой ревизией» старых норм.

Подводя итог обсуждению, отмечу: данные анализа судебной практики свидетельствуют о системном кризисе в регулировании цифровой экономики. Пробелы (55,3%) и коллизии (36,5%) — это не случайные ошибки, а следствие отсутствия единой концепции цифрового права. Без нее любые точечные поправки будут лишь временным решением, а судебная практика продолжит заполнять лакуны в ручном режиме.

Выводы

В ходе исследования, основанного на выборке из 170 единиц (85 нормативных правовых актов и 85 судебных решений за 2019–2024 гг.), выявлены системные проблемы в законодательстве РФ, регулирующем цифровую трансформацию экономики. Значительная часть федеральных законов содержит положения, принятые до 2019 года и не учитывающие современные технологические реалии, что закономерно в условиях опережающих темпов цифровизации.

Доказанным можно считать тезис о том, что ключевая проблема — не в отсутствии законов как таковых, а в их фрагментарности и внутренней несогласованности. Я склонен полагать, что требуется не точечная правка, а системная ревизия: создание единого понятийного аппарата, закрепление принципов технологической нейтральности и риск-ориентированного регулирования. В этом смысле показателен опыт гармонизации законодательства в сфере финансовых технологий, который, однако, нуждается в адаптации к более широкому кругу цифровых отношений.

Ограничение выборки федеральным уровнем оставляет открытым вопрос регионального нормотворчества, где нередки острые противоречия. За рамками анализа остались подзаконные акты, конкретизирующие или искажающие законодательные установки.

Список литературы:

- [1] Аламова С.М. Основные принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 139–143.
- [2] Байгулов Р.М., Высоцкая Н.В. // Цифровая трансформация экономики РФ как приоритетная стратегия для обеспечения технологичес-

кого суверенитета через совершенствование планирования и прогнозирования // Вестник евразийской науки. 2025. С. 1-14.

[3] Бородина М. А. Особенности перевода экономических текстов (на материале журнала Harvard Business Review) при работе в высшей школе / М. А. Бородина, А. В. Колесникова // Современный ученый. 2025. № 2. С. 183-190.

[4] Варев М.А. Системный анализ барьеров реализации мусорной реформы в России: институциональные, экономические и социокультурные детерминанты // Вестник Академии. 2025. № 3. С. 7-18.

[5] Демченко М.В., Симаева Е.П. // Гармонизация законодательства стран ЕАСВ в сфере финансовых технологий в 2020 году // Экономика. Налоги. Право. 2020. С. 141-148.

[6] Дудченко А. В., Голотова М. А., Томбулова Е. Г. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации бизнеса // Закон и право, 2025. С. 156-160.

[7] Егупов А.В. // Инструменты цифровизации государственной гражданской службы в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2023. С. 44-49.

[8] Загаров С.А., Соколов Е.Д. // Приоритетные задачи реализации цифровой экономики в современных условиях // Вестник евразийской науки. 2022. С. 1-11.

[9] Заславская Н.М. // Правовые основы государственного экологического управления в цифровом обществе: термины и определения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. С. 83-99.

[10] Зубарев С.М. // Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. С. 23-32.

[11] Обеспечение экономической безопасности реализации федеральных целевых программ : Монография / А. Е. Городецкий, А. С. Зуева, М. М. Имамов [и др.]. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2012. 204 с.

[12] Рыбальченко И.В. Системный подход к реформе обращения с отходами: подходы М.А. Варева и их критический анализ // Вестник Академии знаний. 2025. № 5 (70). С. 352-357.

[13] Телибекова Д.Б. // Предпринимательство и его правовое регулирование в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2021. С. 29-32.

[14] Троян Н.А. // Актуальные вопросы систематизации правовых актов, обеспечения единства правового пространства, правовой помощи и правового просвещения // Правовая информатика. 2025. С. 57-65.

References:

[1] Alamova S.M. Basic Principles of Intellectual Property Protection in the Digital Environment // Legal Science. 2025. No. 5. pp. 139-143.

[2] Baigulov R.M., Vysotskaya N.V. // Digital Transformation of the Russian Economy as a Priority Strategy for Ensuring Technological Sovereignty through Improved Planning and Forecasting // Bulletin of Eurasian Science. 2025. pp. 1-14.

[3] Borodina M.A. Features of Translation of Economic Texts (based on the Harvard Business Review) when Working in Higher Education / M.A. Borodina, A.V. Kolesnikova // Modern Scientist. 2025. No. 2. pp. 183-190.

[4] Varev M.A. A Systematic Analysis of Barriers to the Implementation of Waste Reform in Russia: Institutional, Economic, and Sociocultural Determinants // Bulletin of the Academy. 2025. No. 3. pp. 7-18.

[5] Demchenko M.V., Simaeva E.P. // Harmonization of Legislation of the EHAS Countries in the Sphere of Financial Technologies in 2020 // Economy. Taxes. Law. 2020. pp. 141-148.

[6] Dudchenko A.V., Golotova M.A., Tombulova E.G. Problems and Prospects of Legal Regulation of Digital Transformation of Business // Law and Right, 2025. pp. 156-160.

[7] Egouptov A.V. // Instruments for Digitalization of the State Civil Service in Modern Russia // Society: Politics, Economics, Law. 2023. pp. 44-49.

[8] Zagarov S.A., Sokolov E.D. // Priority tasks of implementing the digital economy in modern conditions // Bulletin of Eurasian Science. 2022. pp. 1-11.

[9] Zaslavskaya N.M. // Legal foundations of public environmental management in a digital society: terms and definitions // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2022. pp. 83-99.

[10] Zubarev S.M. // Legal risks of digitalization of public administration // Actual problems of Russian law. 2020. pp. 23-32.

[11] Ensuring economic security for the implementation of federal target programs: Monograph / A.E. Gorodetsky, A.S. Zueva, M.M. Imamov [et al.]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2012. 204 p.

[12] Rybalchenko I.V. A systems approach to waste management reform: M.A. Varev's approaches and their critical analysis // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2025. No. 5 (70). Pp. 352-357.

[13] Telibekova D.B. // Entrepreneurship and its legal regulation in the context of digitalization // Law and State: Theory and Practice. 2021. Pp. 29-32.

[14] Troyan N.A. // Current issues of systematization of legal acts, ensuring the unity of the legal space, legal assistance and legal education // Legal informatics. 2025. Pp. 57-65.